

АНГИАНСКАЯ
ПСИХОЛОГИЯ

Жинетт Парис

Мудрость психики

Глубинная
психология
в век нейронаук

«Эмоционально личностная, очевидно полезная, удивительно оригинальная, прекрасно глубокая – читая эту книгу, страницу за страницей, мы оказываемся на территории психологии будущего. Это огромное достижение».

Джеймс Хиллман

Жинетт Парис
Мудрость психики. Глубинная
психология в век нейронаук
Серия «Юнгианская психология»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9367595

Мудрость психики: Глубинная психология в век нейронаук. Пер. с англ.

Е. А. Перовой: Когито-Центр; Москва; 2012

ISBN 978-5-89353-361-3, 978-0-415-43777-6

Аннотация

В этой книге Жинетт Парис открывает новый жанр психологического письма, которое соединяет интимные данные личной биографии, человечески трогательные истории пациентов и радикальные, захватывающие дух теоретические рассуждения о будущем глубинной психологии. Она считает, что на следующей ступени эволюции психология будет меньше интересоваться патологией, предоставив это нейронаукам, и станет чем-то вроде философского обучения, способного подготовить личность к путешествию по стране радости и боли. Необходимость спуска в царство Аида составляет центральную идею глубинной психологии, и эта идея заново исследуется в этой книге.

Содержание

Предисловие к российскому изданию	6
Предисловие	9
Благодарности	18
Глава 1	20
Глава 2	40
Мудрости можно научиться	40
Действующие лица	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Парис Жинетт

Мудрость психики:

Глубинная психология

в век нейронаук

Я посвящаю эту книгу Лори Пай, Друсцилле Френч и Денизе Билодо, благодаря которым я узнала, что дружба – лекарство не менее сильное, чем любовь

Ginette Paris

WISDOM OF THE PSYCHE

Depth Psychology after Neuroscience

Перевод с английского *Е. А. Перовой*
при участии *С. Л. Качкановой*

ISBN 978-0-415-43777-6 (англ.)

© Ginette Paris, 2007 All Rights Reserved Authorised translation from the English language edition published by Routledge, a member of the Taylor & Francis Group

Routledge
Taylor & Francis Group
London – New York

Предисловие к русскому изданию

У меня сохранилось очень живое воспоминание о том, как однажды, когда мне было двенадцать лет, наша учительница истории пришла в ярость из-за невежества своих учеников. Она попросила нас письменно ответить на вопрос о том, кто спас мир от фашистской чумы. Все как один написали: «Американцы!»

«Что же мне делать с этой компанией невежд!?» – воскликнула она, глядя на нас так, как будто стала свидетелем катастрофы. «Вы все ошибаетесь, это русские победили нацистов, русские, а не американцы, вы меня слышите? Именно русские сполна заплатили трагическую цену за победу над Гитлером. Конечно, американцы тоже внесли свою лепту, но она ничтожна в сравнении с жизнями миллионов, погибших в борьбе против нацистов. Мы многим обязаны мужеству, стойкости и силе русского народа. История все расставит по местам, запомните мои слова!» С тех пор я наблюдала, как история неохотно «расставляла по местам» то, что касалось заслуг России, и очень расстраивалась, потому что я восхищалась своей учительницей истории и доверяла ей. Я сделала вывод, что она была права, но истории было необходимо больше времени, чтобы расставить все по местам, и в конце

концов так оно и случилось.

Гораздо позже, когда я уже была студенткой и изучала социальную психологию, нас попросили написать работу, в которой надо было проанализировать политический конфликт, как если бы он был психологическим. Моя работа была посвящена травматическому аспекту массового уничтожения русского народа фашистами. Основной идеей моей работы было утверждение, что такая травма требовала радикального решения в форме милитаризации всей культуры. Я утверждала, что если в метро на человека напали хулиганы, то этот человек захочет иметь оружие, чтобы предупредить очередное нападение. Я подчеркивала, что принятие ответных мер – это здоровая реакция. Я настаивала на том, что фашистская агрессия породила чувство ужаса и что американцы не могли в полной мере понять всю глубину этого ужаса, потому что они не понесли таких жертв. Я завершила свою работу утверждением, что наращивание Россией военной мощи было проявлением *защитной реакции* и что страх американцев перед советской агрессией в разгар «холодной» войны был следствием ошибочной интерпретации и проекцией их собственных империалистических устремлений. Как нетрудно догадаться, преподаватель не поставил мне зачет за эту работу, мотивируя это тем, что я недостаточно объективна и в конфликте принимаю одну из сторон, что недопустимо для психолога.

Я действительно всегда считала, что моя учительница ис-

тории была права. Конец холодной войны стал для меня настоящим личным освобождением: я почувствовала, что справедливость, наконец, восторжествовала. Я давно ощущала, что противостояние, породившее холодную войну, было абсурдным и ошибочным; за ним стоял упрямый отказ видеть, как много у Запада общих с Россией ценностей, связанных с достижениями науки, техники, искусства, литературы, философии (в частности, с критическим отношением к религии) и, конечно, психологии.

Для меня является большой честью то, что моя книга «Мудрость психики» будет доступна русским читателям, и я надеюсь, что этот перевод – еще одно свидетельство связи, существующей между нами на глубинном культурном уровне. Юнгианские и постъюнгианские идеи пришли не только с Запада. Любой, кто читал русскую литературу, знает, что многие идей глубинной психологии уже присутствовали в обеих культурах до того, как их перевели на язык психологии XX века.

Сегодня нам нужно непрерывно обновлять тот язык, на котором мы ведем наш непрекращающийся разговор о душе. Я надеюсь, что моя книга будет способствовать этому дружескому разговору.

Предисловие

Только один раз рождаемся мы на свет и один раз умираем. Однако психологически мы проходим через тысячу смертей и по меньшей мере столько же раз рождаемся заново. Периоды сильного страдания, как правило, сигнализируют об отмирании нашей прежней самости, и, испытывая болевой шок, мы склонны кидаться на поиски быстрых решений, попадая в ловушку распространенной иллюзии, будто каждая психологическая «проблема» требует позитивного «решения». Но такие благие намерения лишь усиливают страдание, потому что игнорируют один из главных парадоксов психологической мудрости: осознание собственной смертности придает больше сил, чем любое другое движение души. Деструктивный импульс имеет решающее значение, если мы собираемся избавиться от того, что нас угнетает. Иными словами, когда речь идет о нашей внутренней жизни, можно сказать, что там, где есть смерть, есть и надежда. Когда отмирает прежняя самость, можно взяться за решение задачи рождения новой самости. Но прежде нужно расстаться со всеми позитивными эго-идеалами.

В психологии много внимания уделяется межличностным конфликтам и способам их преодоления. Авторы книг по популярной психологии и сотрудники терапевтических центров дают советы, как спасти семью, наладить общение, по-

высить самооценку, добиться любви и признания. Я исследую противоположное – тот элемент психики, который стремится разрушить отношения, исчезнуть, умереть, залечь на дно и лежать там столько, сколько нужно, чтобы отмерла прежняя идентичность. Это обращение внутрь и вниз исходит из бессознательного ощущения, что если истощенное, старое Я не умрет, мое тело реализует влечение к смерти буквально и окончательно. То, что отказывается признать психика, всегда отражает тело. Когда тело говорит «хватит», оно посылает сообщение, на которое следует обратить внимание; возможно, оно приглашает нас совершить путешествие в подземное царство. Такое путешествие, будучи невыносимо болезненным, тем не менее может стать приключением, поскольку дарит возможность обнаружить естественную мудрость психики. Чаще всего в приключении нас волнует момент неожиданности и великой боли, будь то боль физическая или психологическая. Опасные путешествия по внутренней или внешней реальности открывают перед нами сокровищницу, полную сюрпризов, – бессознательное.

Слово «бессознательное», возможно, звучит излишне технично, излишне по-фрейдистски. Его можно заменить термином, распространенным в эпоху Возрождения, – «воображение». В периоды, когда мы охвачены депрессией и тревогой, наше воображение скованно, холодно, пусто. Наперекор советам, даваемым в большинстве книг по популярной психологии из серии «Помоги себе сам», выход из таких бо-

лезненных состояний начинается вовсе не с позитивного волевого усилия Эго и отнюдь не с движения вверх. Выход – в высвобождении воображения, результатом чего часто является появление темных, пугающих, извращенных образов, символизирующих то, что должно умереть.

Я часто путешествую и бывала во многих странах. Однако из всех моих поездок самое сильное впечатление произвел спуск в темные подвалы моей психики, в то место, где мы бываем разве что в кошмарах, в место, которое древние греки называли царством Аида, а мы называем бессознательным. Следить за процессом собственного саморазрушения было столь же завораживающим занятием, как созерцать готовую к броску кобру. Когда приоткрываются двери в бессознательное, привычная жизнь останавливается и в ней появляются неожиданные качества. Госпожа Смерть требует, чтобы подчинение было абсолютным.

Четырнадцать лет назад я, спасаясь от холодного климата восточного побережья, переехала в Калифорнию, но не обратила внимания на то, что обилие света и энергии, в которое я погрузилась с первого же дня возле Тихого океана, приводит к преувеличению своих сил. Постепенно я утратила понимание того, что в жизни относится к смерти – чувство ограниченности, истощенность прежних форм, усталость от движения по одному и тому же пути, своя ничтожная значимость во вселенной. Климат в Санта-Барбаре близок к идеальному; расположение залива создает благопри-

ятный микроклимат, напоминающий Прованс, но без свойственной Провансу удушливой летней жары. Город отличается поистине женским очарованием – маленький, изысканный, полный любви, абсолютно безопасный. Садов в нем больше, чем парковок. В нем есть океан, есть горы, есть природа и есть культура. Живя среди такой красоты, я не задумывалась над тем, что темнота, молчание и медлительность холодной зимы создавали важный для меня ритм. Я начала работать без перерыва, пытаюсь вырвать у жизни то, что я решила от нее взять, бесстыдно злоупотребляя животной щедростью бессознательного, доброй лошадки, которая будет везти, пока не рухнет без сил.

Я никак не могла понять целую серию сновидений, которые намекали: ты думаешь, что хочешь найти выход из лабиринта? Ошибка! Ищи вход, а не выход. Несколько душевных катастроф и едва не ставший смертельным несчастный случай буквально взорвали мой сияющий калифорнийский мыльный пузырь. Падение в пустой бассейн и травма головы оказались правильно отмеренной дозой смерти, которая смогла вернуть мне равновесие.

Психология делит страхи в зависимости от их глубины. Между поверхностью (простоты ради назовем ее эго-осознанностью) и бездной (или «бессознательным») существует великое множество страхов, рыбок больших и малых, которые можно поймать в сети психоанализа. Осторожность советует спускаться в глубины медленно и под руководством

аналитика, но, если вы спешите, трагедия может ускорить процесс. В самом низу живет один-единственный страх – смерть. Ах, вот вы где, госпожа моя Смерть. Рада встрече с вами. В дни, последовавшие за падением в бассейн, близость смерти поведала мне о психике больше, чем долгие годы психоанализа. Как психолога, меня встревожило это озарение, поскольку из него следовало, что к сути человеческого существования ведет очень прямой маршрут. Анализ есть путь завораживающий и петляющий, он тоже ведет к бессознательному, но, как выяснилось, туда же можно попасть и по скоростной автостраде – нужно лишь лицом к лицу встретиться со своей смертью. Неприятно, рискованно, больно, но целесообразно. Вы не выбираете маршрут, это происходит с вами, как встреча с греческой богиней Судьбы.

Все страхи имеют в своей основе страх смерти, но они различаются по привкусу. В реанимации я прежде всего осознала свой страх потерять способность ходить, примитивный, животный страх. Следующий час принес с собой сентиментальный страх, что я умру, не сказав своим детям, их отцу и всем своим друзьям, как сильно я их люблю. Это был страх умереть в изгнании, не попрощавшись с любимыми, возможность чего в Средние века ужасала не меньше, чем сама смерть.

На следующий день, почувствовав, как стремительно убывают умственные способности моего поврежденного мозга, я начала бояться, что утрачиваю свою идентичность как пре-

подавателя, терапевта, писателя; то был страх с отчетливым вкусом Эго. Тогда же я поняла, что смерть означает также потерю бесчисленных маленьких радостей жизни – первые черешни с фермерского рынка, пикник на пляже, хорошая книга, приготовление ужина с кем-то и для кого-то, смех и споры с друзьями, плавание, танцы. Невозможно перечислить, сколько таких маленьких откровений я пережила.

Прежде, попадая в трудную ситуацию, я переключалась в героический режим: вперед и вверх, не дрожать! Но не в этот раз. Сэр Мужество отказался выходить на сцену, полностью предоставив ее госпоже Смерти. И она напомнила мне о моей уязвимости, о моей хрупкости. Я могла лишь трепетать. Это был великий урок. В моей жизни было немало случаев, когда наиболее мудрым было бы подчиниться, дрожать и страдать, отринув позу героя. Я вошла в самый темный период своей жизни и мучилась так же, как самые исстрадавшиеся мои пациенты. Страдание обновило для меня понимание великой значимости глубинной психологии. Я была в таком мраке, что невозможно было отрицать невероятную глубину психики, и я проваливалась в ее бездну.

Парадоксально, но после возвращения к исполнению своего профессионального долга я утратила веру почти во все психологические теории. Тридцать лет обучения обратились в прах. Все эти, вычитанные в книгах блестящие идеи, законспектированные и репродуцированные в учебных курсах и статьях, – все теперь казалось бесполезным. Глубинная пси-

хология была моей большой интеллектуальной страстью. Теперь я чувствовала себя так, будто мне очистили жесткий диск, стерли все мои файлы. Было некое противоречие в том, что, утратив веру в психологические теории, я больше, чем когда-либо в жизни, ощущала потребность в психологическом инсайте. Я начала размышлять над тем, что именно изменилось для меня в теоретическом аспекте и в аспекте конкретного индивида. Я переосмыслила все, что, как мне казалось, я знала о психоанализе и психотерапии, о сердечных делах, о взрослении, о человеческой природе и любви.

Поэтому моя книга говорит двумя голосами. Один принадлежит терапевту, критически анализирующему свое поле деятельности и с теоретической точки зрения рассматривающему эволюцию своей отрасли. После 30 лет преподавания и практических занятий психологией с позиции разных подходов я оцениваю, какие идеи до сих пор кажутся полезными, а какие – мертвы. Какое будущее ждет глубинную психологию с учетом завоеваний нейронаук и фармакологии? Какие еще направления психологии могут возникнуть?

Второй голос звучит не столь отстраненно. Это куда менее уверенный голос обычного человека, рассказывающий об обычных переживаниях – о чувстве собственной неполноценности, о горе неудачи, о личном крахе и боли. Он вызван потребностью проверить все теории на своем личном опыте страдания, отказавшись от вознесенной над обычными людьми позиции профессора и терапевта. Это феноме-

нологический взгляд, и потому он исключает объяснение на языке клинических терминов, уходит от медицинской модели и психодинамики в сторону литературы.

В первой главе я применяю этот феноменологически-литературно-имагинальный подход к собственному опыту погружения в темные воды Стикса. Отойдя от клинического стиля и начав пользоваться образами, я впервые ощутила свободу, которую несет отказ от привычного языка библии нашей профессии – Диагностико-статистического руководства по психическим заболеваниям (DSM)¹. Это настолько раскрепостило меня, что я задалась вопросом: а что, если бы на протяжении всей своей карьеры я писала бы истории болезней своих пациентов с таким же вниманием, какое я сейчас уделяю собственному опыту? Что, если бы я попыталась придать их случаям такое же мифопоэтическое качество? Может быть, при описании случаев стоит отказаться от клинических названий и оставлять только историю человека, не воспринимая ее как некий «случай»? Я заново записала некоторые инсайты моих пациентов (с их согласия) и привожу в книге то, что получилось в результате.

Чтобы жизнь продолжалась, психика нуждается в удовольствии, радости и чувстве зачарованности миром. Если человек испытывает острую боль, все это кажется невозможным. И тем не менее я считаю, что парадокс этот можно разрешить, если проходить через страдание, сохраняя любознательность и уважительное отношение пилигрима, путеше-

ствующего через подземное царство. Я уверена, что на следующей ступени эволюции психология будет меньше интересоваться патологией, предоставив это нейронаукам, и станет чем-то вроде философского обучения, способного подготовить личность к путешествию по стране радости и боли. Глубинная психология превратится в искусство жить, не тратя время попусту. Необходимость спуска в царство Аида составляет центральную идею глубинной психологии, и я хочу заново исследовать ее в своей книге.

У всех нас есть психика, потому что у нас есть воображение. Внутренний мир образов периодически нуждается в обновлении, поскольку виртуальные реальности, разворачивающиеся в психике, должны постоянно изменяться. Если прежний сценарий больше не преподносит сюрпризов, если больше некуда двигаться, то личности нужна новая идентичность. Зацикленный на травмах клинический подход не может помочь, поскольку исследование наших психических глубин относится к сфере гуманитарных наук и искусства.

Благодарности

Я многим обязана Друсцилле Френч за ее точность при редактировании моей рукописи, а также за ее щедрую помощь и компетентность в области английского языка. Без ее помощи и поддержки эта книга едва ли была бы написана.

Я испытываю глубокую благодарность к Майклу Вэнной Адамсу, Иди Барретт, Джо Коппину, Уильяму Доти, Кристине Даунинг, Марку Келли, Дарсии Лабросс, Патрику Махаффи, Жилю-Зенону Махо, Луне Махо, Дэвиду Миллеру, Морин Мердок, Марките Риль, Мэррею Шугару, Диане Скафт, Глену Слэйтеру, Деннису Слэттери, Марго Стойер, Биллу и Джоанне Дрэйк, а также их полным сочувствия соседям, Энн Вест. Их интеллектуальная щедрость, эмоциональная поддержка и физическое присутствие показало мне, что все мы являемся частью взаимосвязанной системы разумов, душ и тел.

Я благодарю всех пациентов, студентов и друзей, которые разрешили мне использовать свои истории как иллюстрации к моим теоретическим доводам.

Я благодарна моему брату Клоду Парису за ту роль, которую он сыграл в формировании моего интеллекта в ту пору, когда я была «всего лишь девушкой».

Я хочу сказать «спасибо» Лори Пай за то, что своей преданностью идее защиты окружающего мира она убедила ме-

ня в том, что глубинная психология, в конце концов, является экопсихологией.

Наконец я глубоко признательна Джеймсу Хиллману, моему учителю и другу, чьи мысли и работы вдохновляли и направляли меня на протяжении всей моей жизни. Те, кто знаком с его трудами, смогут увидеть, сколь многим мое понимание глубинной психологии обязано его радикальному переосмыслению всей этой области.

Глава 1

Как я пробила свой толстый череп

В тот год падение в пустой бетонированный бассейн и последующий танец со смертью были не первым случаем, когда я проваливалась в дыру. За несколько месяцев до этого эпизода, чуть не завершившегося смертью, закончился мой долгий брак, в результате чего я переживала сильнейшую депрессию. Наш союз был отнюдь не безмятежным. Нам с мужем часто приходилось жить врозь в разных домах, городах, даже странах. Мы устроили себе жизнь, удобную для двух диаметрально противоположных людей, каждый из которых готов дать другому свободу на пути к его призванию. Чаще всего возникавшее между нами напряжение было плодотворным, но постепенно оно стало приобретать все более опустошительный, опасный характер. Когда наши дети повзрослели, нарастающий стресс стал невыносим. Мне не доставало храбрости разрубить нашу связь, но у него нашлось отваги на двоих, и он одним махом рассек гордиев узел, купив билет на самолет, чтобы вернуться на восточное побережье. Да, я понимала, что после того, как дети выросли, наш брак утратил свою необходимость. Да, я понимала, что развод или расставание не обязательно означают конец любви. Да, я видела, что наш брак вредит любви больше, чем

разрыв. Да, я видела, что мой муж достиг того этапа жизни, когда он почувствовал, что должен следовать своей истинной природе, а она требовала уединения. Да, я понимала, как сильно он хотел, наконец, получить возможность читать, медитировать, наслаждаться тишиной, одиночеством, покоем. Все это я понимала. Тем не менее все мое существо кричало «Нет!». Рациональное понимание произошедшего совсем не облегчает эмоциональное потрясение. Нет! Нет! Нет! Не ты, не меня, не сейчас!

В своей работе психотерапевта я не раз сталкивалась с одной из самых интригующих загадок человеческой природы: соблазном оставаться в деструктивных, но все же знакомых отношениях, готовностью передать другим власть над своей жизнью, отрицанием потенциальной свободы. Почему мы так охотно обращаемся к мужьям, женам, родителям, друзьям, детям, начальникам, духовным учителям, помощникам, подчиненным с просьбой взять на себя ответственность за нашу свободу? Оказавшись брошенной, я тоже ощутила это невыносимое желание быть зависимой. Я пыталась убедить себя, что свобода хороша, но преждевременна. Я умоляла его побыть в нашей очаровательной тюрьме чуть подольше. Он ушел, как и наметил, взяв только чемодан с книгами и оставив меня наедине с нашими когда-то общими вещами и остатками прошлого. Он вернулся в родительский дом на восточном побережье и погрузился в вожаделенное затворничество.

Я думала, что мне станет легче, если я начну очернять человека, который бросил меня. «После всего, что я для него сделала! Да он же чудовище!» В то время я не понимала, что любовь может иметь подземные отростки, которые уходят так глубоко, что, выдергивая корни любви из себя, я тащила вместе с ними и свое сердце. Не один месяц я прожила, отрицая это и выкорчевывая все, что можно, пока не провалилась в ту цементную яму и чуть не умерла.

Эта яма не была метафорической дырой – той огромной пропастью депрессии, где находят себе пристанище брошенные женщины. Я говорю о яме в прямом смысле слова – о небольшом бассейне, служившем резервуаром для фонтана, который предварительно осушили, чтобы выложить его кафельной плиткой. Одна из них, находившаяся на самом краю, была приклеена недостаточно прочно. Я была единственной из гостей на этом чудесном свадебном вечере, кто решил прогуляться с бокалом шампанского в руках вокруг пустого бассейна. Моя нога соскользнула (или очень хотела соскользнуть – этого я никогда не узнаю наверняка), я замаяхала в воздухе руками, как мельница крыльями, тело стало заваливаться назад, и моя голова ударилась о цементное дно. Обширное кровоизлияние в мозг – и глубокий нырок в холодные воды метафорической реки под названием Стикс.

После кратковременной комы я очнулась в палате интенсивной терапии больницы в Санта Фе. Я не испытывала никаких эмоций в том смысле, какой психологи традиционно

вкладывают в этот термин. Физическая боль была мучительной, но я ощущала ее с той непонятной отстраненностью, которую проявляют животные, это похоже на равнодушие под пыткой, пока тело занято переживанием муки. Эго, которое могло бы пропускать через себя боль, отсутствовало. Я вернулась к той точке, где рассеявшиеся частицы бытия либо воссоединяются, либо распадаются навсегда. В таком первичном состоянии я дрейфовала, как простое собрание элементов: мельчайшие капли бытия, движущиеся между бесконечной малостью моей личности и бесконечной необъятностью космоса.

При распавшемся Эго боль ощущается напрямую, как у животного, но так же воспринимается и красота бытия. Все исключительно ужасно или исключительно великолепно. Эмоции в своем крайнем проявлении – невозможные, странные. Я испытывала необъяснимую экзальтацию от того, что во мне разрушалось так много лишнего, набросанного как попало, а физическая боль выполняла роль инструмента для выскабливания обид, соскребания недовольства, размалывания остатков злобы. Такая опасная генеральная уборка под присмотром самой Госпожи Смерти вызвала неожиданные приступы солоноватой радости: грузовик для мусора подан, я готова заполнить его своим экзистенциальным барахлом и использованной, усталой, сломанной самостью. Смерть – это избавление. Добро пожаловать, госпожа Смерть, приступайте к делу.

Расколотый череп – 3-й уровень

Я чувствую, что умираю, как рухнувший на арену раненый бык. Это хорошо, ведь мое сердце уже мертво. Вскоре не станет тела, страдающего от погибшей любви. Боль, все проявления боли прекратились бы, если бы я позволила этой хрупкой пичуге или бабочке, которую греки называли «душой», улететь. Я закрываю глаза и проваливаюсь в глубокое трансовое состояние и, как в галлюцинации, вижу прозрачную бабочку, висящую у меня над головой, словно крошечный парашют, который мог бы унести мою душу. Я не сплю, но эта фантазия похожа на образы, которые возникают во сне, как если бы сны медленно текли через мой поврежденный мозг. Неважно, какая патология создала такую картинку, я очень благодарна ей за бабочку, летающую у меня над головой и машущую крылышками, покрытыми золотой пылью. «Скорее, бабочка! Поторопись. Унеси мою душу. Я открыта. Сейчас как раз время уйти. Давай улетим вместе». Как купальщица, застывшая у края воды и предвкушающая удовольствие от прохлады в глубине забвения, я жду, спокойная и сосредоточенная, готовая к погружению в смерть.

Вместо этого в комнату входит процессия, состоящая из моих ошибок и прегрешений против любви. Я приветствую их. «Да, я совершила все эти ошибки». Я позволяю им пройти с легкостью, которой никогда до того не испытывала. Чувство вины лишено интенсивности, сила страдания отделена от него самого.

Я израсходована, я пыль на крыльях бабочки, я ощущаю величественную легкость умирания. Мое сердце разбито, я полна печали и сожаления, но я не виновата. Я сделала все, что могла, и все кончено.

В палату, толкая перед собой каталку, входит медбрат в белом халате. Он начинает отсоединять переплетенные трубки и провода, опутывающие мою кровать, объясняя по ходу, что переложит меня на передвижные носилки, чтобы отвезти на магнитно-резонансную томографию. Он очень мешает нам – мне и моей бабочке, – особенно, когда начинает поднимать мой торс, потому что меня настигает рвота – вулканическое извержение, выстреливающее лавой далеко за пределы кровати. Молодой человек делает шаг в сторону, просит не тревожиться, объясняет, что такая сильная рвота нормальна при черепно-мозговых травмах. Будет меня рвать или нет, он должен переложить меня на каталку. Этот молодой человек хорош собой (по крайней мере, я все еще могу это заметить), но фонтаны рвоты полностью уничтожили то спокойствие, которое было необходимо бабочке, чтобы унести мою душу. Слишком поздно! Момент для нашего бегства упущен.

Молодому человеку требуется немало времени, чтобы справиться со своей задачей, но он действует умело. Он все убирает, очень бережно обращаясь с этой грудой живой плоти. Он привозит меня обратно после сканирования мозга и укладывает в кровать. Я снова проваливаюсь в транс. Бабочка улетела, а вместо

нее возникает отчетливое воспоминание. Когда мне было двадцать лет, в Мадриде я видела легендарного тореадора по прозвищу Кордованец, сражавшегося с быком. Тогда я думала, что никогда не забуду его – такого элегантного и грациозного. В шелковом розовом костюме, расшитом золотыми нитями, он противостоял разъяренному пятисоткилограммовому животному. Но сейчас перед моими глазами возник образ не танцующего тореадора, а величественного раненного быка. Победенный Кордованцем, с пронзенным шпагой загривком, из которого ритмичным фонтаном хлещет кровь, подобно вулканическому извержению моей рвоты, истекающий кровью бык все-таки не хочет признать своего поражения. Воспоминание очень четкое: я вижу, как подгибаются передние ноги быка, когда тот падает, поверженный на колени; он весь сотрясается, его мускулы дрожат под черной блестящей шкурой; при каждом ударе сердца кровь выплескивается из раны фонтаном, окрашивая красным песок на арене; публика на трибунах ненадолго замолкает, а потом бык, словно разгневавшись на саму смерть, делает отчаянное усилие и встает на ноги. Он нападает еще раз, его энергия поражает. Кордованец, танцую, уворачивается от него. Наконец, бык падает замертво, а зрители аплодируют этой последней доблестной атаке столь же восторженно, как и победе тореадора.

Во мне тоже есть зверь, одержимый желанием выжить. Я ощущаю ту же отчаянную энергию. Мое тело

– тяжелое животное, придавленное болью. Бабочка не одинока. Легкой и тихой смерти не будет: бык, который рвется из моей фантазии, приказывает мне вернуться в тело, набраться сил, принять боль и сразиться со смертью. Боль, которая крепко вцепилась в меня, сохраняет мне жизнь, удерживая меня в моем животном теле. В боли есть энергия. Это энергия того тяжелого, раненного черного быка, цепляющегося за жизнь, в то время как бабочка предпочитает бегство и свет. Ни один из этих образов не собирается сдаваться. Они вступают в битву между собой. Все это очень похоже на кинофильм. Я полностью поглощена борьбой между быком и бабочкой. Активность воображения удерживает мое внимание, не давая провалиться в беспамятство.

Хаос может освобождать. Хаос физической боли разбил и раскрыл меня, подобно тому, как в стене образуются трещины, пропускающие свет. Мне нечем заняться, так как я прикована к постели. Я могу только быть. Я ощущаю величие капитуляции перед болезненным, очищающим процессом разрушения. Человека, которым я была и который больше не мог выносить бытие, убивают. Это разрушение – для меня передышка.

Периодически медсестра причиняет мне страдание, направляя в мои глаза яркий свет, чтобы убедиться в сохранности рефлексов зрачков. По-видимому, черепно-мозговое кровоизлияние усилилось, ухудшив мое состояние, раз меня поместили в реанимацию.

Фонарик медсестры, направленный мне в лицо, напоминает сцену из старого детективного фильма: слепящий свет в лицо подозреваемого, непрерывный допрос без передышки. Эта медсестра – суровая матрона, упорная, как полицейский. Примерно каждый час она повторяет одни и те же вопросы. Как вас зовут? Где вы родились? Сколько вам лет? Какой сегодня день недели? После четырех таких сеансов допроса я высказываю предположение, что, возможно, разговор станет поживее, если она будет задавать другие вопросы или я тоже спрошу ее о чем-нибудь. «Это невозможно», – говорит она. Это те вопросы, которые она должна задавать, чтобы проверить, продолжает ли мой мозг правильно функционировать. Подобные банальности меня обескураживают. Я ощущаю себя невыразимо одинокой – брошенное, никому не интересное тело. Я зову бабочку. «Давай уйдем. Расправь крылышки. Позволь мне ускользнуть. Прощайте, все! Наконец, я завершу курс и получу последний диплом, который подтвердит мою автономность: я умру в одиночестве! Королева самоопределения умирает без суеты! Я, как и полагается воспитанному человеку, отойду, не пытаясь кого-то впечатлить, гордясь своими крыльями».

Каждый раз, когда я пытаюсь закрепить победу бабочки, встает на ноги разгневанный бык. «Прекрати эти глупости! – командует он. – Я заставлю тебя исторгнуть даже воду, которую ты пьешь». Миг – и вулкан снова начинает извергаться, забрызгивая не

только мою пижаму и простыни, но и безупречно белую униформу строгой серьезной медсестры, которая в очередной раз проверяет мои рефлексy с помощью фонарика. Ей не нравится, что рвота попала на ее белую униформу, и ее лицо искажается от отвращения. Не спорю. Я отвратительное животное, и я извиняюсь изo всех сил, от стыда бормоча глупые оправдания: «Извините, меня никогда еще ни на кого не рвало, мне ужасно жаль!» Она резко уходит, а я остаюсь на час в этом вонючем месиве. Я воспринимаю все как наказание за свои дурные манеры и чувствую себя необычно глубоко задетой, погружаясь в океан жалости к себе. Это так похоже на мою мать, всегда нетерпимую к моим болезням, сердившуюся за то, что я создавала ей лишнюю работу, раздражавшуюся даже от моего прилипчивого обожания. Профессиональная роль медсестры требует деловитости, холодности, отстраненности. Мать была медсестрой. Какой праздник для моих комплексов. Я опять беспомощный брошенный маленький ребенок.

Медсестра, сменив форму, наконец возвращается с помощницей – мексиканкой, которая не говорит по-английски и должна привести в порядок постель и тело в ней. Эта женщина и я остаемся одни. Она в упор глядит на меня, и это как-то затягивается. Я никогда не встречала такого пристального взгляда. Она как будто смотрит сквозь, а не на меня. Ее молчаливый взгляд одновременно видит и говорит. Я понимаю, что она видит, что я – между жизнью и смертью,

в неопределенности. Ее глаза говорят, что она не намеревается ни влиять на меня, ни ругать; нет нужды стыдиться, у нее нет брезгливости к телам – живым и мертвым – или к телам в промежуточном состоянии, как я, извергающим рвоту и флиртующим со смертью.

Она начинает снимать с меня испачканную больничную одежду. Я избавляюсь от напряжения. Она поддерживает руками верхнюю часть моего туловища, нежно, но крепко. Я расслабляюсь, сворачиваюсь в комок, а она начинает тихо, но выразительно напевать какую-то мелодию. Похоже на «Аве Мария», но не совсем, хотя, насколько я понимаю из слов, они, кажется, призывают мне на помощь Богоматерь. Я впитываю каждую ноту этой успокоительной песни. Ее голос проникает глубоко в меня, как во время акта любви. Женщина, занимающаяся любовью с другой женщиной с помощью своего голоса? Я прижимаюсь к ее сердцу, вдыхаю запах кожи, нахожу убежище в ее доброте. Чем больше сострадания я получаю, тем больше открывается ее голос, вбирая мое существование в свою песню. В это мгновение я люблю эту женщину, которую даже не знаю, непосредственно, полностью, абсолютно. Я люблю ее тело, люблю ее душу. Это явление Великой Матери. Ее песня дает волю молчаливому потоку слез бесконечной благодарности за то, что такой человек существует.

Возвращается строгая медсестра и нарушает сладостную передышку. Меня печалит, что медицинской системе, кажется, чуждо понимание

целебной силы тех редких, но бесценных людей, чьи руки, голоса, тела, глаза, запах и душа обладают властью переливать жизнь из сердца в сердце. Их дар невозможно измерить. В руках у строгой медсестры лист бумаги – документ, который мне предстоит подписать. Она объясняет, почему я должна это сделать. Я не в состоянии понять ее объяснений. Я чувствую себя тупой оттого, что вынуждаю ее повторять. Меня осеняет, что кровь, затопляющая мой мозг, превращает меня в клинического идиота; работа моего ума замедляется с каждым часом. Я мало что понимаю в ее пространственных предложениях, начиненных сложными причинными связями, научной информацией, юридическими вопросами. Я могу что-то «уловить» из сказанного, только если предложение короткое, а за ним следует пауза на обдумывание. За ночь я превратилась в идиотку с высшим образованием. Мой разум сейчас гораздо ближе к разуму кошки, а не интеллектуалки, которой я когда-то была¹. Прошлой ночью при поступлении в реанимационную палату я еще помнила свой телефонный номер. Сегодня – уже нет. Медсестра объясняет во второй раз. Кажется, до нее доходит, что я в некотором роде поврежденный предмет. Наконец, мне удастся понять. Меня просят подписать специальный документ, дающий доктору разрешение на трепанацию в случае, если внутреннее кровотечение не прекратится до утра. Снова разъяснения, разъяснения, разъяснения. И наконец, вопрос: «Вы подпишете?» Ответ: «Ладно».

Чувство – безразличие. Делайте с моим телом, что хотите, – я его больше не выношу, это отбросы.

Через час после того, как я подписала бумагу, невропатолог сообщает мне, что трепанация, вероятно, позволит мне выжить, но невозможно предвидеть, какой ущерб будет нанесен мозгу за то время, пока будет приниматься решение об операции. Я зову медсестру, которая приносила мне документ на подпись, чтобы сообщить ей, что хочу разорвать его. Риск весьма велик, и у меня нет желания превратиться в овощ, прикованный к постели! На этот раз в зверинце согласие. Бык и бабочка приходят к консенсусу. Давайте-ка любой ценой выбираться из этого безобразия. Зачем нужно тело, которое, возможно, не будет ходить, есть, плавать, заниматься любовью, ездить на велосипеде или копать в саду? Итак, мы договорились. Мы уничтожаем этот документ и отправляемся в путь, бабочка на хвосте быка. Я жестикулирую, споря с медсестрой, что-то объясняю ей и умоляю разорвать только что подписанную бумагу, но испытываю растерянность, волнение, сама себе противоречу. Моя речь бессвязна, как сгенерированная компьютером бессмыслица. Медсестра ничего не понимает. Она думает, что я перевозбуждена и брежу, и вводит транквилизатор мне в вену. Мой внутренний экран затуманивается, я возвращаюсь к небосклону полусознания на всю оставшуюся ночь. Заканчивается второй день моего пребывания в палате реанимации.

На следующий день я обследую аппараты, к

которым подключена, и множество мониторов возле моей кровати, которые контролируют их работу. Судя по тому, что мне не удалось нащупать бинтов на голове, трепанации не было. В реанимационной палате я чувствую себя, как в кабине самолета, сюрреалистическое зрелище, напоминающее научную фантастику. Я начинаю гадать, какой из образов сегодня возобладает: черный бык или белая бабочка? Новая медсестра за компьютером на центральном посту, я вижу ее через распахнутую дверь своей палаты, услышав сигнал тревоги, она стремительно вбегает ко мне. У нее тоже, похоже, есть ко мне претензии. «Вы дышите не так, как нужно. Этот монитор показывает количество кислорода, поступающего в ваш мозг. Вы должны поддерживать его на уровне 80–95 процентов, а у вас едва 55». Для человека, который, как я, провел всю свою взрослую жизнь в академической среде, уровень 55 процентов означает, что я неудачница. Хорошо, что хоть вернулась способность говорить более или менее связно. «Ладно, раз так, то я, наверно, провалила этот экзамен. Готовьте мешок для тела, я готова уйти». Я знакома со статистикой: 80 процентов пациентов, поступивших в реанимацию и пробывших там более 24 часов после постановки диагноза, живыми оттуда не выходят. Я пробыла здесь уже больше 24 часов, так что мой шанс выбраться отсюда живой составляет всего 20 процентов. Я уже слышу звук застегивающейся молнии на пластиковом пакете для тела, но это меня несколько не пугает.

Бабочка побеждает, но вдруг на четвертый день происходит неожиданное событие – сюрприз из разряда тех, что иногда случаются, когда все идет хуже некуда. Я бы назвала это чудом, если бы любители буквальных трактовок не испортили это слово. Чудо вступило в мою палату на четвертый день вместе с моей тридцатилетней дочерью, чрезвычайно умной и организованной молодой женщиной. У нее научный склад ума, такой же, какой был у двух присматривавших за мной медсестер, пока жизнь не иссушила их и не наполнила уксусом. Высокая и прямая, она появляется в дверях и сообщает мне: «А вот и я! Не волнуйся, мама! Я обо всем позабочусь. Я отвезу тебя обратно в Санта Барбару, в твою собственную постель». Ее взгляд обегает мою палату, и я вижу, что она понимает, какую именно бабочку я сейчас призываю, и сердце ее обрывается. Ее спина, еще мгновение назад такая прямая, начинает сгибаться, а губы – дрожать, как у девчушки, которая вот-вот заплачет. Она подходит, наклоняется надо мной, прижимаясь головой к моей груди. Она опять моя малышка, ребенок, вовсе не готовый потерять маму. Я это чувствую. До сих пор я об этом как-то не задумывалась.

Палата медленно наполняется сияющим золотистым светом. Ее любовь ко мне и моя любовь к ней заставляют меня физически почувствовать, как кровь, текущая у меня в венах, насыщает клетки кислородом и любовью. Я в буквальном смысле ощущаю свое сердце и свой мозг, чувствую их, хотя науке и неизвестен

нервный аппарат для ощущения этих частей тела. На первый план выходит переживание взаимосвязанности всех людей: и тех, кого мы любим, и тех, кого едва знаем, как, например, мексиканку, которая пела для меня; ныне живущих и ушедших от нас; почтенной строгой медсестры и моей мамы, и моего ребенка. Все мы являемся разветвленными отростками одного невидимого корня, который направляет поток от одного полюса к другому, который меняет местами боль и радость, любовь и смерть, боль и ее облегчение, живых и мертвых, присутствие и отсутствие, дочь и мать. Я ощущаю, как переключаются полюса, и отдаюсь в руки своего ребенка, который становится для меня матерью. Я – ее дитя, а она – «хорошая» грудь. Вот мое чувство священного – эта структура, это корневище, эта любовная связь, которая решает, буду я жить или нет.

Целый час мы обе неподвижно лежим на больничной кровати, и я ощущаю физическое тепло этого свечения. Это одно из самых сладостных и сильных переживаний, которые мне когда-либо довелось испытать, сопоставимое разве что с опытом рождения ребенка. Я вижу, как жизнь прокручивается у меня перед глазами наподобие строевого смотра, устроенного сознанием в последнюю минуту. Я прошу дочь, чтобы она простила мне все ошибки, которые сейчас видны мне так отчетливо. «Я думала, что помогаю тебе, но сейчас понимаю, что это было желание контролировать. Прости. Я мешала тебе искать твой собственный путь». И еще признания. Некоторые вслух,

другие – молчаливые и личные. В основном о неудачах в любви. Слепые пятна, которые внезапно проявились. Все защитные стены рушатся и обнаруживают мои грехи. Эти грехи не имеют никакого отношения к христианскому Богу; все они касаются человеческой любви во всех ее проявлениях вплоть до любви к хорошо сделанному делу. Прости, Боже, что не ты в центре моего внимания, ты никогда там не был, и даже в этот последний час мои мысли не о тебе. Искренне говоря, я рада, что никогда не была по-настоящему предана тебе, иначе сейчас я испытывала бы ощущение невыносимой ошибки, впустую растраченного чувства, как будто стрелы признаний в любви направлялись по неверному адресу. Сожаления, которые я все-таки испытываю, никак не связаны с тем, что я тебя отвергала, трансцендентный христианский Бог, они вовсе не о недостатке веры в Твоем понимании. Я пала не с твоих небес. Моя совесть озабочена не грехами против такого Бога, как Ты. Речь идет о реальных людях, с которыми я могла бы быть более великодушной, принимающей, дающей, преданной; обо всех тех задачах, с которыми я могла бы справиться лучше.

В списке моих сожалений есть еще одно – простое, но не отпускающее меня: как бы я хотела тратить меньше времени на повседневную текучку, вычеркивая завершённые дела из моего ежедневника и быстро перебегая к следующему пункту, и по-настоящему наслаждаться самим процессом деятельности.

Если я буду жить, я клянусь, что стану другой, в идеале – человеком, который будет абсолютно счастлив просто оттого, что у него есть две здоровые ноги, чтобы передвигаться, и глаза, чтобы читать хорошие книги, и тело, чтобы ощущать реальность каждого момента.

Сейчас я впервые искренне желаю встретиться со своей тенью, какой бы обширной она ни была. Это желание приходит с благодатью, которую я уже испытала в первый день пребывания в реанимации: я вижу свои недостатки, но не чувствую себя виноватой. Я прихожу к пониманию того, что, пытаясь любить по-настоящему, мы можем причинить вред даже тем или особенно тем, кого любим. Присутствие тени – это часть мира живых. Благодать заключается в том, что божественная любовь вот-вот освободит меня. Я вижу свои ошибки и понимаю, что они обычны для человека. У меня есть ограничения, я соединяю в себе и свет, и тьму.

Никогда не доводилось мне видеть ничего столь же прекрасного, как свет, исходивший от кровати, на которой лежали мы с дочерью. Никогда еще узы любви не ощущались мною во всей их простоте и несовершенстве. Свершалось чудо – такое простое и обыкновенное: я перестала искать недостатки в окружавшем меня мире, хоть он и нес мне смерть. Снова льются слезы – слезы радости. Не могу сказать, чем был тот час просветления – частью процесса ухода из мира живых или сигналом о моем возвращении. Я действительно не знаю, я чувствую себя полностью

истощенной и в то же время переживаю радость. Я ухожу или возвращаюсь?

И появляется бабочка, чтобы ответить на мой вопрос. Она складывает крылышки коконом и прячется у меня в сердце, как бы говоря: «Мы снова встретимся, но не прямо сейчас». Образ быка тоже появляется вновь. Он утратил свою свирепость. Сейчас это старый, усталый бык, малоподвижный, с тяжелым дыханием, тихий, как спящий кот, умиротворенный бесконечной благодатью, не умерший, а просто старый и изможденный.

На следующий день ко мне приходит невропатолог. Он не просто удивлен, а потрясен. Сегодняшнее сканирование показало, что кровотечение прекратилось и кровь уходит из отделов мозга, которые он называет цистернами. Нет никаких признаков образования тромба. Ему случалось наблюдать подобные случаи исцеления, но только у детей. Для женщины моего возраста (55 лет) такое весьма маловероятно. Он улыбается, говорит об удаче, изредка выпадающей в лотерею жизни, объявляет меня невероятно везучей. Я бы хотела сказать ему, что когда руки моей дочери обнимали меня, создавая укрытие, я снова стала ребенком. С помощью этих рук Великая Мать укачивала меня в молчании, заполненном светом, который излучали частицы любви. «Вот так был исцелен ваш пациент, доктор». Однако подобные проявления мистики в целом не заботят медицину. Я просто поблагодарила его за мастерство и

попросила, чтобы были соблюдены мои права: я хотела, чтобы меня выписали из больницы немедленно, в тот же день. Я буду приходить каждый день на регулярный осмотр, но я хочу выбраться отсюда сегодня же. Мои великодушные друзья, у которых я гостила до несчастного случая, предложили мне с дочерью остаться у них до тех пор, пока я не смогу передвигаться. На две прекрасные недели мы с дочерью остаемся одни в великолепном доме: я – младенец, она – мать. Потом мы улетим домой, чтобы продолжить нашу жизнь и вернуться к прежним ролям.

Глава 2

Сказка мама, папа и я, я, я

Мудрости можно научиться

Вернувшись из своего путешествия в царство боли, я обнаружила, что на конверте, содержащем выписку из моей истории болезни, нацарапана одна строка – центральная идея моих путевых заметок. Это было что-то вроде напоминания себе: мудрости можно научиться. Жизненные трудности дают возможность проникнуть через внешнюю оболочку нашей персоны и добраться до самой ее сердцевины – в пространство, где покоится и ждет нас наша собственная психологическая мудрость. Человек открывает для себя простую истину: не существует абсолютного психологического *здоровья*. У всех нас есть способность к мудрости, которая имеет множество разновидностей: одна из них – это психологическая *мудрость*. Она не возникает сразу в полном расцвете, а появляется сначала как зернышко, готовое прорасти, и существует в каждом человеческом существе. Будь наше общество настроено на потенциал и ценность этого зернышка, мы могли бы пестовать мудрость психики с самого раннего возраста. Мудрость – не предмет, который можно просто

передать другому. Она больше похожа на ориентир. Точно так же, как зернышко прорастает и тянется к свету, душевная мудрость – это тот самый компас внутри каждого из нас, указывающий самое продуктивное направление нашего развития. Мудрость – это скорее пункт назначения, а не судьба, цель, а не устойчивое состояние.

Все направления знаний и духовные учения совпадают в одном: все мы начинаем свой путь как нуждающиеся, беззащитные, беспомощные дети. Если потребности ребенка должным образом не удовлетворены на первом этапе жизни, взрослому в конце концов придется вернуться в прошлое и исправить ситуацию. В этом заключается основная задача психотерапии: отправиться в прошлое и дать внутреннему ребенку то, что ему нужно, чтобы вырасти. Тем не менее возможность задействовать мудрость появляется, когда человек наконец оказывается способен отойти от модели развития. В этом месте буддизм сильнее всего сближается с психотерапией, заявляя: да, сострадание позволяет утешить и успокоить этого ребенка. Да, внимание к внутреннему ребенку поддерживает ту жизненную силу, которая естественным образом перерастает в зрелость. Все пророки, целители и мудрецы имеют качества Великой Матери. Они помогают нам расти, питая нас Ее молоком, молоком сострадания.

Мне довелось пить это сладкое молоко во взрослом возрасте; без этого дара я была бы сейчас мертва. Однако Великая Мать также персонифицирует бдительность матери,

ожидающей, что ребенок будет расти, иначе внутренний ребенок превратится в тирана и взрослый человек останется инфантильным, эгоистичным, напыщенным, деспотичным большим младенцем, потерявшим зерно духовного знания. Мудрый психотерапевт работает не только с неудовлетворенной потребностью в материнской заботе, но также и с неудовлетворенной потребностью в сепарации. Материнская забота в психотерапии состоит одновременно из кормления и из отлучения от груди.

Каждая психологическая школа предлагает свое теоретическое понимание базовых понятий Мать – Отец – Ребенок. Некоторые определения кажутся странными и притянутыми за уши, но все они указывают на центр человеческой души, неизменно присутствующий практически во всех философских и духовных учениях на протяжении тысяч лет. Именно этот общий принцип, единая, универсальная архетипическая история будет отправной точкой для моих размышлений. Здесь, в этой главе, я задаюсь вопросом: в чем заключается общий для всех сюжет, что за орешек спрятан под скорлупой? Консенсусом часто оказывается истина, с которой все соглашаются в силу ее простоты. Тем не менее, эти «простые истины» уникальны, и они являются основополагающими, потому что они есть корень наших коллективных ценностей. Когда наука развивается так быстро и одновременно в стольких направлениях, как это произошло с психологией, скоро наступает момент, когда мы теряем из ви-

ду основы; мы больше не видим фундамент огромного здания теории; мы забываем проверять надежность креплений, удерживающих нас вместе. Время от времени бывает полезно напомнить себе, что все люди (не только мудрые психологи) разделяют вечные ценности, архетипические принципы – духовные и теоретические краеугольные камни, поддерживающие все здание.

В приведенной ниже сказке я пытаюсь обобщить это приглашение философов, психологов, гуру, мудрецов и духовных лидеров различных исторических этапов и стран. Оставляя в стороне теории, я представляю свои идеи в весьма субъективном жанре – жанре сказки. Я предлагаю сопоставить мое видение с вашим личным восприятием данной истории.

Действующие лица

В моей сказке действуют три персонажа: Архетипический Ребенок, Великая Мать, Архетипический Отец.

Архетипический Ребенок

Ребенок воплощает в себе универсальное состояние незащитности и потребность в психологической поддержке, характерные для новорожденного. Юнгианцы, склонные к античной изысканности, называли этот архетип Puer (дитя) или Puer Æternus (Вечное Дитя). Этот архетипический Ребенок существует в нас на протяжении всей нашей жизни и несет в себе одновременно и уязвимость, и жизненную силу молодости. Мы регрессируем к этой незащитности каждый раз, когда жизнь причиняет нам боль. Мы чувствуем радость Ребенка каждый раз, когда нас охватывает желание учиться, открывать, пробовать новое. Архетип вступает в действие, когда солдат не может уснуть, потому что его мучают ночные кошмары, когда профессиональное выгорание приводит к слезам на работе, когда страдающий от неразделенной любви человек не может выбраться из постели и встретить рабочий день. Архетипический Ребенок кричит: «Позаботьтесь обо мне, сам я не могу и не буду. Любите меня, радуйте меня, иначе я умру».

Великая Мать

Она – воплощение сострадания, составляющего самую суть материнства. Материнство и сострадание – синонимичные понятия, и они могут быть присущи мужчине или женщине, сестре или дяде, другу, любимому, соседу по камере или, если очень повезет, биологической матери. Иногда биологический отец играет скорее роль Великой Матери, чем роль Отца. Вот почему нам нужен архетипический язык, а не буквальные обозначения. Архетипическая роль отличается от социальной или биологической функции; что действительно важно, так это переживание архетипа. Человек нуждается в том, чтобы ощутить ласковое прикосновение руки Великой Матери, почувствовать на себе ее взгляд, полный нежности, не осуждающий нас за нашу слабость. Великая Мать – это опыт безусловной любви, без которой ничто маленькое, ранимое, младенческое не может выжить, даже «зародыш» идеи и первые пробные беспомощные строчки, с которых началась эта книга. Ни один писатель в здравом уме не рискнет показать черновик критику, пока текст не «дозреет» и не будет хоть немного отредактирован. Все новое, молодое, уязвимое – даже первый росток того, что станет огромным дубом, – впервые появляется как слабый побег, требующий защиты и заботы; иначе он будет сломлен и погибнет.

Великая Мать имеет множество наименований: материн-

ский принцип, способность к состраданию, нежная забота, и даже «целительная сила куриного бульона». Я предпочитаю не связывать Великую Мать с женственностью, так как это уже привело к многочисленным недопониманиям. Мысль о том, что женский пол в большей степени одарен материнскими качествами, является философским заблуждением, несущим трагические последствия для обоих полов. Сострадание есть человеческое качество, и Мать его олицетворяет. Если бы матери не обладали материнскими качествами, человечество не выжило бы, потому что человеческие дети являются самыми уязвимыми созданиями животного мира. Тем не менее, это архетипическое качество живет в каждом из нас и может с равной вероятностью развиваться или не развиваться.

Послание Великой Матери – это, прежде всего, милосердие: «Я люблю тебя, малыш, просто за то, что ты есть. Не плачь. Я здесь. Я позабочусь о тебе, накормлю тебя, вылечу, приласкаю и дам почувствовать вкус доброты». Когда Великая Мать отказывается отдавать себя (это означает, что настоящая мама раздражена и говорит: «Отстань и позаботься о себе сам»), архетипический Ребенок переживает тот предельный ужас, что являет собой сущность и источник всякого страха.

Архетипический Отец

Этот всемогущий Отец, или Космический Отец, или Бог-Отец, является третьим и последним героем нашей сказки. Отец объясняет Ребенку, что такое обусловленная любовь и что такое принцип закона и порядка (они могут называться иначе, однако они универсальны). В мифологии архетипический Отец наделен громовым голосом и грозно сдвинутыми бровями – так римляне представляли себе Юпитера, греки – Зевса, а христиане – Бога-Отца. Эти отцовские божества олицетворяют власть и ответственность. Ребенок получает от могущественного отца ощущение силы и защищенности. Именно об этом говорят все дети, когда хвастаются: «Мой папа сильнее твоего» (богаче, выше, смелее, у него самая большая машина, самая лучшая пушка, самые увесистые кулаки или самый современный компьютер). Это чувство проецируется на каждого, кто обладает властью (монарх, генерал, президент, руководитель, директор, капитан, шериф). «Наш президент имеет больше влияния, чем ваш, и я поддерживаю его, поскольку понимаю, что нуждаюсь в защите, которую он предлагает».

Архетип Отца присутствует в преподавателе, который отправляет вас на пересдачу, но может и помочь подготовиться к экзамену. Он (или она) может быть банковским служащим, который объясняет, что вы банкрот, или дает кредит для но-

вого дела. Это полицейский, который выписывает штраф, но спасает от воров и убийц. Он – судья, который выдает вам штрафной и отправляет вас на скамейку, но при этом следит, чтобы игра шла честно. Архетипического Ребенка пугает появление этой наделенной властью фигуры, которая принуждает его к соблюдению правил и указаний. У Отца имеются четкие представления о поощрении и санкциях, и он упорно придерживается принципа порядка. Архетипический ребенок в бешенстве: «Что?! Я, Маленький Король в своем Дворце, должен соблюдать правила? Иначе будет хуже? Мне это совсем не нравится!»

Теперь нам известны действующие лица, давайте рассмотрим сценарий.

Испытание первое: родился нуждающимся в поддержке

Ребенок: Я такой маленький, Великая Мать. Я умоляю тебя, заботься обо мне. Я только пришел в этот мир.

Я даже не знаю, как отличить голод от холода, боль – от страха. Мое сознание не развито. У меня нет культуры и языка. Все, что есть, это мое тело, подчиненное своим потребностям. Оно чувствует удовольствие или боль. Это не Я, потому что у меня еще нет Я. Честно говоря, я не представляю, кто Я и кем могу стать. Прошу тебя, найди нежные слова для моих ушей, чтобы у меня появилось желание выучить язык.

А когда ты подаришь мне слова, я захочу слушать сказки. Я хочу, чтобы они были содержательными и сложными. Я хочу, чтобы эти истории дали мне ощутить присутствие человечества, плотное, имеющее множество защитных слоев, созданных поколениями мудрецов. Мне нужно стать частью большого, развитого, населяющего многие страны племени, достаточно щедрого, чтобы сохранить мою жизнь и защитить от зла. Больше всего, Великая Мать, я хочу, чтобы ты помогла мне определить, что есть Я. Смотри на меня с обожанием. Стань зеркалом, в котором я буду отражаться как твой Король-Солнце, источник света, главная радость твоей жизни.

Великая Мать: Не бойся, дитя. Я дам тебе все это. Моя цель в том, чтобы убедить тебя родиться, почувствовать радость телесной жизни, желание получать удовольствие и быть счастливым.

Ребенок: Ласка, колыбельные, крепкие объятия, нежный голос и поцелуи – ты дашь мне все это?

Великая Мать: Тебе это нужно так же, как пища, тепло, язык и семья. Если не будет радости, ты не захочешь по-настоящему прийти в мир, ты не сумеешь расцвести. Итак, у тебя будет все необходимое. Но послушай! Ты должен сейчас же начать меняться и взрослеть, чтобы стать полноценным человеческим существом.

Ребенок: А что, если я этого не сделаю?

Великая Мать: Я брошу тебя, дитя! А если я тебя брошу, ты умрешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.